

Россия и социализм

Макс Неттлау

Декабрь 1930 года

Мы все выросли со штормами революционных событий в России. Все пережили третье наводнение, смывшее царизм, многие вторую волну 1905 года, которая его подкапывала, и самые старшие героический штурм 1881 года, когда, как минимум, верхушка русского здания власти, царь, был достигнут судьбой 13-ого марта 1881 года. Я всё ещё вспоминаю последующее утро, когда мой отец разбудил меня со словами: «Ты всё спишь, царя убили», и я, будто выстреленный из пушки, выпрыгнул из кровати и затанцевал от радости. Затем он рассказал мне, как в 1855-ом, при известии о смерти императора Николая у каждого как камень с сердца упал, а из истории революции я вскоре узнал, какие надежды вызвала смерть Александра Первого в России, восстание и вскоре мученическую смерть или тридцать лет Сибири для самых лучших в стране, декабристов 1825 года.

Так же переживали мы Тургенева и Достоевского, Толстого и Горького, Бакунина и Кропоткина, и почитали бесчисленных жертв революции, Софью Петровскую и всех прочих. Мы знали русских товарищей в изгнании во всех достойных движениях, серьёзных и способных, а вне-российская Европа располагала Кропоткиным большую часть его жизни, более сорока лет, и Бакунина более двадцати пяти, в расцвете своей деятельности.

Это странно, что сознание того, что царизм рухнул и в огромной России более тринадцати лет социализм располагает неограниченной властью, даже сознание, что вообще в какой-то стране социализм добился абсолютной свободы действий, не осчастлиливает нас каждый час так, что мы не помчались сразу же в эту страну, чтобы самим увидеть желанный социализм, жить им, присоединиться к нему, т.к. для социализма верны слова, что всё принадлежит всем – *Tout est a tous!*, как писал Кропоткин, а вся Земля есть наше отечество (*The world is my country, to do good is my religion* – Мир моё отечество, творить добро – моя религия, как многие повторяли за Томасом Пэйном). Почему мы не делаем этого, почему мы ощущаем, что Россия в её настоящей форме кажется такой холодной, смертельно чужой и враждебной, как когда-то безвольно подчинявшаяся царю Россия, и почему наша единственная мысль о жертвах, которых умело приносит новая Россия подобно старой, такая жестокая и беспощадная сегодня, как и вчера и во времена Ивана Грозного в 16-ом столетии.

Я знаю, что этих вещей многие не замечают. Так, в полностью отданных в распоряжение плутократии Соединённых Штатах есть много людей, которые радуются тому, что хотя бы в далёкой России капиталист прижат к стене и является ничем, а рабочий, the underdog, всем. Им было бы неплохо присмотреться получше, они нашли бы тогда, что, прежде всего, в России государство всё, а рабочий и крестьянин – бесправные инструменты этой всемогущей власти. Другие говорят с абсолютной сердечной холодностью, что революция всё это приносит с собой, нельзя сделать яичного пирога, не разбив яйца, или как стол добродушный Клеменсо говорил о французской Революции: она – блок, целое, чьи хорошие и плохие стороны следует принимать в расчёт. Кто так думает, поступали бы бездумно так же и в их области действия и не поднимаются над древним культом государственного резона; попадёт им где-нибудь в руки малейшая власть, их первейшее и важнейшее правило – защищать власть всеми средствами, т.е.: расстреливать и заключать. Так же есть ещё и наивные сентименталисты, которых так осчастлививляет мысль о социалистическом государственном порядке в России, что они как токующие тетерева ничего не слышат, не видят и просто витают годами в облаках. Но есть ещё многочисленные, которым никогда не светило свободное солнце, над которыми всегда висело партийное попечительство, убогие нации (жертвы принуждения в государстве и в обществе и отрицания свободы при авторитарном социализме): для этих ненависть и преследование являются услаждающими и наполняющими их разум состояниями, для них поезда уничтожения ГПУ, фашистские карательные экспедиции, националистские штурмовые колонны желанный элемент жизни, и они страдают подобной деятельности; они – духовные пещерные люди нашего времени, печальные развалины, жертвы всестороннего хитроумного воспитания авторитарного духа, против которого гуманитарные и свободные силы были слишком слабы, чтобы пробиться и изгнать это сумасшествие из голов.

Маленькая категория вольных социалистов ещё относится к русскому спектаклю с понимающей симпатией, те, которые говорят нам, что в решающий момент русские анархистские и синдикалистские элементы не были действительно способны к действиям и неподготовлены, непрактичны и придерживались между собой слишком различных мнений. Правящее теперь направление было относительно способным. Такие мужи сетуют на существующую нетерпимость и жестокости, и пытаются их смягчить по-отдельности, если могут. Но эта благонастроенная категория не стремится вперёд, она, напротив, порицается и уничтожается власть имущими, которые достаточно долго пользовались их же моральной поддержкой, считают, однако, что более в ней не нуждаются, что так же приведёт к постепенному истощению таких симпатий.

Кропоткин в своём самом захватывающем труде, прерванном 23 ноября 1920 года, за несколько дней до его смерти, которое публикуется с ., был склонен сравнивать происшествия и их развитие с чудовищным явлением природы, перед которыми всё стоит в беспомощности, как перед землетрясением, ураганом, тайфуном, и его утешением являлось лишь то, что сила элементов всегда истощается, что после каждого вала волн идёт затишье, но он считал тогда, что времени для какой-нибудь интервенции, которая не отшумела бы бесполезно, ещё не пришло.

«Я вижу одно – писал он в этом похожем на дневники сочинении – мы должны собирать людей, которые были бы способны заниматься в каждой и во всех партиях конструктивной деятельностью, после того, как революция уляжется. Мы, анархисты, должны создать группу честных, преданных, работающих без искажения самопревознесением, анархистов. И если бы я был моложе и мог посетить сотни людей, разумеется, тем способом, каким нужно, когда собираешь людей для совместной работы...»

Но и этот совет – лучшее, что он мог тогда сказать, последовали ли ему? – теперь, десять лет спустя, более не актуален. Ибо и самая ужасная природная катастрофа оставляет за собой поля развалин, и тогда проходит на определённое время, в то время как русская революция как творение человека искусственно и насильно удерживалась и всё ещё удерживается в постоянном состоянии катастрофы. Естественный огонь затухает, он поддерживается искусственно, когда всё вокруг сокрушается и отдаётся в пищу огню. Так, Наполеон, после того, как он овладел французской революцией, бросал каждый новый призыв французов и аннексированных в пасть войны, и держался так до 1814, даже до ., и так же все люди и продукты природы и культуры в России–Сибири на протяжении тринадцати лет с абсолютной безоглядностью приносятся в жертву и растрачиваются, чтобы кормить, подпитывать, раздуть, природную катастрофу – искусственное продолжение землетрясения, так сказать, которое всё более становится похожим на театральную постановку с искусственными эффектами, чем на произведение и поддержку какой–либо естественной и способной к жизни реальности. Каждый спектакль и фейерверк подходит к концу, трагикомичные обновители азиатского деспотизма, Муссолини и Наполеон достигли конца или скоро достигнут, и, павшая жертвой одиночества и изоляции, русская революция достигнет его тоже.

Т.к. вся жизнь такой громадной страны во всех её проявлениях и выражениях не может долго управляться в рамках одной единственной воли; она отмирает и вместе с ним и самая твёрдая воля становится слабой и бессильной, или мы приближаемся к состоянию перегретого котла с закрытым вентилем, состоянию катастрофы, которая будет тем страшнее, чем позднее она произойдёт. Никогда революция не была более бессмысленно растрочена и приведена к гибели. Никогда не была революция в руках более мелких умов, которые – я имею в виду правящих мужей – просто пришли из кругов марксистских схоластиков, растративших свою жизнь долгие годы полемическим слововерчением, и на которых неожиданно свалилась новая власть, которая позволила им теперь заключать в тюрьмы, изгонять, расстреливать своих партийных противников, т.е. в любом случае заставить их насильем замолчать. За этими маленькими мужами слепо последовали воспитанные ими для партийно–фанатического социализма народные силы, и стали, многие в самых лучших надеждах, жестокими инструментами, с помощью которых враждебные партийные элементы были угнетаемы и, в конце концов, были сделаны физически немыми или мёртвыми. Так получилось, что все проснувшиеся в марте 1917 года для обновления России силы, которые более ста лет работали для этой цели, принося нескончаемые жертвы, были деспотически контролируемы и враждебно опекаемы уже в ноябре 1917 года двумя, а с начала 1918 года одной единственной партией – беспримерное предательство революционной и человеческой солидарности, нисколько не извиняемое

тем, что возможно любая другая из этих партий поступила бы в своих интересах так же. Таким актом насилия заканчивается революция и царит голый деспотизм. Онный может поддерживать и продлевать себя грабежом и принуждением любого толка, но это всегда состояние болезни, расходуящий всегда больше сущности и сил организма, чем ему прибывает, которое таким образом должно быть излечено и этим окончено, или весь организм погибнет.

Этот факт нельзя не заметить, и дискутировать о частностях не имеет смысла не более, чем рассуждать о том, что на пыточной скамье удобней лежать так или эдак; на пыточной скамье лежать не хочется вообще. Постоянная смена режимов должна была показать и самому близорукому, что те, кто с некоторыми наблюдениями, которые сделал Маркс, наблюдая за много лет до того английскую текстильную индустрию, верили, что обладают единственной и наивысшей экономической мудростью, на самом деле ничего не знали и с безграничной фривольностью издавали декреты о том или об этом, пока неудачи не заставили их попытать другие методы. Так, некто, кто не умеет правильно писать, гневается на грамматику и словарь и кидает их в печку, так они теперь уже расстреливают техников, потому что экономика не движется. Во всём этом наблюдается нарастание признаков распада, а не улучшение.

Ибо все терпит неудачу на том, что требуемый потреблением объём быстрого и качественного сельскохозяйственного и индустриального производства может производиться более или менее принудительно поставленными на определённые места рабочими, крестьянами и всей молодёжью только при напряжении всех сил, с трудом и в недостатке, и в состоянии необычного возбуждения – или только в ограниченном размере, – ненормальные условия, делающие из простейших рабочих и потребительских операций верховные и государственные акции, являются чем-то, что не может долго существовать, т.к. отнимает у жизни сотен миллионов всякое чувство спокойствия и надёжности. Нам это знакомо по военному времени, когда почти всё регулировалось начальством и сходилось на бумаге, в то время как в реальности долгое время исключение было правилом, и почти каждый вёл и должен был вести двойное существование, чтобы не умереть с голоду.

Если это, возвращение к настоящей жизни с её неистощимыми возможностями и использование оставленного нам прошлым, будет сделано невозможным, или эти вспомогательные средства действительно исчерпают себя, тогда сломается высчитанное на бумаге состояние, как мы пережили это в . – тогда люди больше не хотят и теряют страх, потому что с ними ничего более страшного не произойдет. В России в последние годы массы крестьян в ненормально повышающемся размере лишаются своих вспомогательных средств, которые давали им при всех условиях как прямым производителям известную возможность персонально различающегося удовольствия, разнообразие и шанс, устроиться получше; ограбленные и впихнутые в сельскохозяйственные коллективы, в которых городские рабочие, молодёжь и чиновники, как «делающие шаг», надсмотрщики и т.п., задают темп, новый для крестьян, разве что, они работают на себя, что всё более ограничивается. Помимо этого начинают основываться чисто государственные гигантские фирмы, производящие на механизированном предприятии зерно, что ещё более понижает ценность крестьянской продукции.

Как результат этого в настоящее время материально успешного предприятия по переводу крестьян к тому, что по их ощущениям должно быть принудительным трудом, описываются один корреспондентом, на протяжении лет интеллигентно рассказывающим об этих событиях (см. Новая Свободная Пресса, Вена, 1 ноября, .): *«...Крестьянство устало. Сопротивление прошлого года ничего не принесло. Восстания ещё меньше. Всё, что оказывало энергичное сопротивление, удалено из деревень, было расстреляно или изгнано по закону. Крестьянин устал и ищет пути наименьшего сопротивления, чтобы жить. Так, возможно, что этой зимой последние остатки ведущих частное хозяйство крестьян вступят в коллективные хозяйства. У них больше нет возможностей к существованию, никаких личных и экономических перспектив».*

Право остаётся за каждым, рассматривать это описание как триумф или как поражение сегодняшней русской системы. Крестьянство измотано, оно подчиняется, оно не видит иного пути, никаких надежд перед собой – утверждается таким образом социализм или несётся к могиле? Приветствует его человек с радостью как наивысшее достижение или попадает к нему как сгоняемый вместе скот американских мясных фабрик, где животных гонят среди всё более сужающихся стен, пока каждое животное не схватывается за ногу, не вздёргивается ввысь, не получает разрез горла и затем оправляется в путь по фабрике на конвейере, чтобы закончить как мясо, колбаса, консервы, удобрение и т.п. Несомненно, подобный путь был указан миллионам русских крестьян в последние годы, им заперли все выходы, и они теперь утомлённо бредут навстречу своей судьбе – американская свинья с Чикаго или Омахи на мясокомбинате, российский крестьянин на зерновой фабрике, без надежды, утомленный. Так гнали слуги тысячи фараона египетских и эфиопских рабов для таскания камней на строительство пирамид, так должны были поработанные массы отвести Бусенто, чтобы построить гробницу Алариха на дне реки, так Сталин сохраняет себя в Кремле тем, что он наконец – то измотал крестьян. Это азиатский деспотизм, а не социализм, по крайней мере, по моему ощущению.

Когда говорят, что это происходит в интересах пяти миллионов рабочих, стоящих против 95 миллионов крестьянского населения в России, даже тогда этому нет морального оправдания. Рабочие были в свою очередь первыми жертвами коммунистической диктатуры, которая отняла у них всякую независимую социалистическую волю, их профсоюзную независимость, их товарищество, и загнала их как крестьян и американских животных на убой, с закрытием всех выходов, в механизм государственных фабрик, где их последующая жизнь происходит как на конвейере. Они были разделены между собой различными шкалами зарплат и рационов и держатся в таком состоянии, что непосредственное небольшое улучшение их при возможно большем подчинении партии наполняет всю их жизнь и все стремления. Мы не слышали в эти годы от них ни одного независимого слова и только от числа преследуемых, наказуемых, заключённых, изгнанных, убитых и, возможно, как когда-то, ушедших в «нелегальную» жизнь, можно было бы узнать о настоящих настроениях в России, если бы это число было известным. Молчание настолько велико, что даже хорошо информированная тайная или иностранная пресса, бывшая столь многочисленной при царизме, кажется более не существующей, по крайней мере, не издаёт звуков, в то время как почти вся информация и книги о России выдержаны в таком духе, что даже покойный Потёмкин покраснел бы от их неправды. При этом

я даже не думаю о прямо коммунистической прессе во всех странах, на которую затрачивается так много усилий, к которой, однако, каждый, кто ей не поклоняется, относится совершенно равнодушно, как к какому-нибудь богословскому трактатику или рекламному листку, которые могут всунуть кому-нибудь в руку, и на которые не взглядывают даже краем глаза.

Грустно, что до этого дошло, и это, разумеется, сказывается на всём социализме во всех странах, чьи социал-демократические приверженцы тем самым всё более угрожают современному государству в объяття, за которое они цепляются, чем было и без того, а чьи свободные приверженцы теперь в этих диктаторских социалистах, с их нарастающим огрубением и физическим ужесточением, сталкиваются со злыми врагами, идейная борьба с которыми уже исключена, т.к. те выучены быть врагами всех, и служат только своим московским господам. Так, на их стороне исчезла всякая солидарность, в то время как вольные социалисты и анархисты, т.к. они, разумеется, не желают становиться похожими на тех и всегда были тактичными, ограничены в защите и вынуждены зачастую смотреть, как социализм, внушавший в 19-ом столетии всему миру уважение, теперь теряет это уважение тем, что большевистская правительственная система, а так же фашистская, старого социалиста Муссолини, кажутся, вытекающими из него. Я говорю, кажутся, ибо столь же мало как фашизм, так и теперешний российский деспотизм, едва ли имеют какое-либо отношение к социализму, чем через некоторых личностей.

Возможно, первые большевики в их когда-то возвращенном Энгельсом, Каутским и многими другими культе Маркса слепо верили, что они – призванные к владычеству при социализме, единственно верные интерпретаторы марксизма, из собственной деятельности скоро показала, что они знали о своих ошибках, и с тех пор перенесли свою деятельность на тысячи попыток для своей элементарной сохранности, разумеется, при этом «философствуя молотом», т.е., в этом случае, кроваво вдалбливая свои новые попытки русскому народу. С этого момента они следовали только инстинкту самосохранения и являются обречённой кастой, пользующейся всё более жестокими средствами, чтобы продлить себе существование. Тем, что они после рабочих ещё и крестьян лишили радости жизни, они больше не подпиливают сук, а целое дерево, на котором сидят так, что оно больше не будет ни расти, ни стоять, а дельнейшие точки опоры у них отсутствуют за исключением последнего средства всех стоящих перед крахом правительств – войны. Этот путь они оставляют для себя тем более открытым, чем более закрываются другие пути, совсем как задетый в 1905 году царизм, который не могло укрепить время столыпинских репрессий, добивался войны, и её, к нашему общему несчастью, в неразумной тогда Европе, с тех пор не ставшей более умной, добившийся в 1914-ом.

Я никогда бы не мог подумать, что однажды будет нужным так грубо отрицать социализм, который какая-либо страна ввела бы у себя, даже если бы он не совпал с нашими личными идеалами, как это в нашем случае неизбежно. Мы всегда были готовы уважать автономию, локальное своеобразие, начальные неурядицы, неизбежные ошибки и заблуждения и испытывать радость и солидарность с, прежде всего, доброй волей.

Но здесь всякая солидарность была цинично сломлена, а гордость Ленина и Троцкого состояла в том, чтобы обманывать социализм других направлений как при

торговле лошадьми, нападать на них ночью, лишать прав, обстреливать дом анархистов из пушек, бомбардировать Кронштадт, править против всех с ЧК, а теперь с ГПУ. Кроме социалистических партий, которые в свою очередь поступили бы подобным же образом, это вскоре означало уничтожение независимой духовной и моральной жизни бесчисленного количества людей, которые вынуждены жить как лицемеры, для виду уважая сегодняшний строй, или они должны голодать и умирать с голоду, подобно безмолвным собакам. Так, всякое человеческое доверие похоронено в огромной стране – и может ли будущее принести нечто лучшее, для которого воспитывается молодёжь, являющаяся либо уже фанатиками неизвестной нам человеческой расы, как юные фашисты, или, если они притворяются, носят в себе ненависть, которая затемняет их рассудок и однажды вырваться наружу, от чего нам страшно?

Всему этому вольный социализм должен выступить навстречу более впечатляюще, чем это случается обычно. Ибо это ужасная трагедия и слишком многие ещё утешаются легкомысленными поговорками, вроде: не так это и плохо, это же социалисты и т.д. Муссолини тоже был социалистом, и там тоже нет недостатка в людях, говорящих в утешение: в Италии ведь всё выглядит вполне прилично, больше нет попрошаек и т.п. Так же великий Джордж Бернард Шоу восхищался Муссолини с этой точки зрения. Нет, всё, вероятно, ещё хуже, чем нам хочется верить, и две великих страны, Россия и Италия, будто бы фривольно исключены на много лет из человечества. Так же коммунистами в каждой стране на Земле в социализм привнесён деспотизм, и он искажил его и изуродовал. Нет какого-либо примиряющего выхода, и мы должны принять обязанность, и делаем это с охотой, ещё более громко говорит о наших вольно-социалистических идеях, яснее объяснить их, и проложить дорогу этому полноценному социализму, объединяющему свободу и солидарность.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Макс Нетлау
Россия и социализм
Декабрь 1930 года

Скопировано 26.08.2017 с <http://flibustahezeous3.onion/b/223383>
Оригинальное название: Russland und Sozialismus; Из: Die Internationale; Перевод с
немецкого: Ndejra

ru.theanarchistlibrary.org